

НАДЕЖДА СОКОЛОВА

ХРАНИТЕЛЬНИЦА
ПУСТЫХ
ЗЕМЕЛЬ

Надежда Соколова

Хранительница Пустых земель

«Автор»

2026

Соколова Н. И.

Хранительница Пустых земель / Н. И. Соколова — «Автор»,
2026

В свои 35 я попала в другой мир, магический и жестокий к чужакам. Теперь, вместе с пятью изгоями, я пытаюсь выжить в Пустых землях, на бесплодной земле. Впрочем, так ли она бесплодна? И почему ко мне начали проявлять интерес соседи-аристократы?..

© Соколова Н. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Надежда Соколова

Хранительница Пустых земель

Глава 1

Утро началось с того, что Иртас вышел из кузницы и громко объявил за завтраком:

— Мне нужен уголь. И металл. Без них я не могу работать.

Он стоял в дверях, огромный, с закатанными рукавами, в которых виднелись его большие, сильные руки — руки, привыкшие к тяжести молота, покрытые сетью старых ожогов и мозолей, которые уже давно стали частью его кожи. От него пахло дымом и раскалённым железом, и этот запах, казалось, впитался в каждую нитку его одежды. Я видела, как ему не терпится начать, как его глаза горят тем особым светом, который бывает у мастеров, когда они чувствуют, что могут сделать что-то настоящее, — и в этом свете было столько жизни, столько голодной жажды работы, что я невольно залюбовалась им, забыв про ложку в руке.

— Угля почти нет, — продолжал он, и голос его звучал глухо, с той досадой, которая бывает у человека, вынужденного просить то, что он привык добывать сам. — А без него горн не разгорится как следует. Я вчера весь вечер провозился с последними углями — они едва дали жар, железо осталось красным, но не побелело, и я не смог взяться за работу как надо. И металл — куски, что я привёз, уже почти кончились. Осталось совсем немного, на пару подков, и всё. Если мы хотим делать инструменты, ковать подковы и лопаты, нам надо купить запасы.

Он вытер лоб тыльной стороной ладони, хотя утро было прохладным, и я поняла, что он уже успел разжечь горн и разочароваться в нём. В его голосе слышалась не просьба, а скорее требование — он не умел просить иначе, потому что работа была для него не просто делом, а способом дышать.

Грисс кивнул, доедая кашу и вытирая рот тыльной стороной ладони — той же самой, которой только что держал ложку, и я отметила про себя, что надо будет подать ему чистую тряпицу. Он не спешил с ответом, и я знала почему: он взвешивал, считал в уме, прикидывал, хватит ли денег, выдержит ли телега, не придётся ли экономить на чём-то другом. Тень заботы пробежала по его лицу, но он быстро спрятал её за спокойной уверенностью.

— Мы поедem в город. Я, Келл и ты — втроём. Телега выдержит, если не перегружать. Дорога туда — полдня, обратно столько же, если не задерживаться. Купим уголь, сколько влезет, и металл — у старого Хорна, я знаю, у него всегда припасено хорошее железо. Может, ещё и гвоздей прихватим, у нас кончаются.

Арисса подняла голову от горшка, в котором она помешивала травяной настой. Пар поднимался над её руками, и в этом пару её лицо казалось мягче, чем было на самом деле. Она посмотрела на Грисса, потом на Иртаса, потом на меня — и в её взгляде я прочитала не тревогу, а скорее привычную осторожность женщины, которая слишком хорошо знает, что дорога может преподнести всякое.

— А если вы не вернётесь до темноты? Нам волноваться? — спросила она, и голос её дрогнул, хотя она старалась говорить ровно. Она помешала настоем ещё раз, медленнее, словно это движение помогало ей успокоиться. — Мало ли что. Осенью темнеет быстро, а дорога через лес беспокойная. Я не хочу сидеть тут и гадать, где вы пропали.

— Не волнуйся, — ответил Грисс. Он поднялся из-за стола, и я увидела, как он расправил плечи, словно сбрасывая с них тяжёлый груз. — Мы поедem с утра пораньше и вернёмся за светом. Я не хочу оставлять вас здесь одних дольше, чем нужно. Обещаю: как только стемнеет — мы уже будем дома. И потом, с нами Келл, а он, если что, не даст нас в обиду.

Он сказал это с лёгкой улыбкой.

Я заварила травы — те самые, что мы собирали в конце лета, сушили на солнце и хранили в холщовых мешочках, — и их горьковатый запах смешался с запахом дыма от кузницы. Нарезала хлеб, ещё тёплый, с хрустящей коркой, и сушёное мясо, которое мы берегли для особых случаев, собрала всё в чистую тряпицу, стараясь, чтобы ничего не помялось, и сунула в мешок. Руки делали привычное дело, а голова была занята другим: я думала о том, что в городе надо будет ещё зайти к торговцу солью, и о том, что телегу надо бы проверить — не разболталось ли колесо, и о том, что Келл в последние дни какой-то слишком тихий.

Келл молчал, но я видела, как он проверяет нож на поясе — вытащил, провёл большим пальцем по лезвию, проверяя остроту, и удовлетворённо кивнул, — и поправляет лямку сумки, которая уже лежала у двери, готовая к дороге. Он всегда говорил мало, но в его движениях была та особая готовность, которая появляется у людей перед дорогой: всё лишнее отброшено, всё нужное под рукой, и в глазах — спокойная собранность, которая не имеет ничего общего с суетой. Я знала, что он уже мысленно прошёл весь путь — до города, по улицам, мимо лавок, и обратно, — и что он готов ко всему, что может случиться в этом пути.

Я затянула мешок, поставила его у двери рядом с сумкой Келла и выпрямилась. Утро только начиналось, но мне казалось, что день уже перевалил за середину — столько всего было в этих коротких минутах: и просьба Иртаса, и молчаливое согласие Грисса, и тревога Ариссы, и тихая готовность Келла. Я посмотрела в окно: небо было серым, обещая дождь, и я подумала, что надо будет захватить плащ — на всякий случай.

— Вот, — сказала я, протягивая Гриссу сумку с едой. — Хлеб, мясо, немного сыра. Воды я налила в бурдюк. Хватит на весь день.

Сумка была ещё тёплой от хлеба, который я достала из печи совсем недавно, и я на мгновение задержала её в руках, чувствуя под пальцами грубую ткань и мягкую тяжесть внутри. Мне хотелось сказать ещё что-то — что-то важное, что обычно говорят в дорогу, — но слова казались слишком простыми, а может, слишком большими для этого утра. Я посмотрела Гриссу в глаза и увидела в них ту спокойную уверенность, которая всегда меня успокаивала, и это было лучше любых слов.

Грисс взял сумку, закинул её в телегу — она мягко шлёпнулась на дно, рядом с мешками, — и похлопал по мешкам, которые мы приготовили заранее. Они лежали аккуратно сложенные, серые, из плотной мешковины, и от них пахло пылью и сухим сеном.

— Пустые мешки для угля, — пояснил он, и я услышала в его голосе нотку деловитости, которая всегда появлялась у него перед дорогой. — Если найдём хороший, возьмём много. У Хорна уголь всегда отменный — крепкий, не крошится, даёт жар ровный. Я знаю, что говорю: прошлой зимой мы брали у него, и я не пожалел ни разу.

— Золото взяли? — спросила Арисса, подходя ближе и заглядывая в телегу.

— Взяли, — ответил Грисс, и я заметила, как он прикоснулся к поясу, где висела кожаная сумка — прикоснулся не для того, чтобы проверить, а скорее из привычки, как прикасаются к тому, что дорого. — Пять золотых монет, как договаривались. Должно хватить. Я ещё вчера вечером пересчитал их трижды, и всё равно пересчитаю ещё раз по дороге, чтобы не думалось.

Иртас уже сидел на облучке, пробуя вожжи на ощупь. Его большие руки, привыкшие к молоту, сейчас мягко перебирали ремни, и в этом движении была та же уверенность, что и в его работе. Оркосы стояли смирно, изредка фыркая и переступая с ноги на ногу, и их тёплое дыхание поднималось в прохладном утреннем воздухе лёгкими облачками.

— Я в кузнице всё подготовил, — сказал он, поворачиваясь к нам. — Горн чищен, наковальня на месте, вода для закалки свежая. Я вчера дотемна вычищал горн от старой золы — знаете, там столько накопилось, что дышать было нечем. Как только привезу уголь, сразу начну. Не хочу терять ни часа. Каждая минута без работы — это как пустой горн: холодно и тоскливо.

— Успеется, — усмехнулся Грисс, запрыгивая в телегу. — Сначала надо доехать, потом разгрузить. Ты, Иртас, слишком торопишься. Дорога сама диктует свой шаг, и не надо его перепрыгивать.

Я стояла у калитки и смотрела, как телега удаляется по дороге. Оркосы шли ровно, не спеша, и пыль поднималась за колёсами лёгким облаком — серым, почти невесомым в утреннем свете. Грисс махнул мне рукой — широко, как он всегда махал, — я помахала в ответ, и вскоре телега скрылась за поворотом. Я стояла ещё немного, слушая, как затихает скрип колёс, и почему-то мне казалось, что этот скрип я буду слышать весь день, даже когда он давно умолкнет.

День тянулся медленно. Я занималась грядками — рыхлила землю вокруг поздней капусты, выпалывала сорняки, которые всё ещё цеплялись за тепло, — и перебирала травы, раскладывая их по мешочкам и вдыхая их сухой, горьковатый запах. Руки делали привычное дело, но глаза то и дело обращались к дороге, и я ловила себя на том, что прислушиваюсь к каждому звуку: не скрипнут ли колёса, не покажется ли облако пыли над поворотом. Арисса несколько раз выходила на крыльцо и, приставив ладонь к глазам, вглядывалась вдаль. Солнце уже перевалило за полдень, потом начало клониться, и тени стали длиннее, а её лицо — тревожнее.

— Долго что-то, — сказала она под вечер. Голос её прозвучал тихо, почти шёпотом, и я поняла, что она боится произносить это громко, словно громкие слова могут сделать беду настоящей.

— Дорога не близкая, — ответила я, хотя сама уже начинала беспокоиться.

Внутри у меня всё сжималось, и я уговаривала себя, что всё в порядке, что они просто задержались у Хорна, что телега с грузом идёт медленнее, чем порожняк. Но уговоры не помогали, и я поймала себя на том, что смотрю на дорогу, уже не отрываясь, забыв про травы и грядки.

Солнце уже клонилось к закату, когда мы услышали скрип колёс и тяжёлое дыхание оркосов. Этот звук я узнала бы из тысячи — он был совсем другим, не порожним: телега шла с трудом, тяжело, и оркосы дышали глубоко, с усилием. Я выбежала на крыльцо с фонарём — хотя было ещё светло, но руки сами схватили его, — и Арисса вышла следом, и мы обе встали у калитки, вглядываясь в сгущающиеся сумерки. Телега медленно подъезжала к калитке, и я увидела, что она нагружена до отказа — мешки громоздились друг на друге, верёвки натянулись, а борта просели под тяжестью. Колёса вязли в мягкой земле, и оркосы шли медленно, низко опустив головы, но всё же шли — упрямо и ровно.

— Есть! — крикнул Грисс, спрыгивая на землю. Голос его был хриплым от дорожной пыли, но в нём звенела радость, и я увидела, как усталость на его лице сменилась чем-то другим — облегчением, гордостью, может быть, и тем, и другим сразу. — Уголь. Целых шесть мешков! Хорн сказал, что это лучший уголь, какой у него был, и я ему верю — сам отбирал.

Келл уже отвязывал верёвки — молча, быстро, привычными движениями, — а Иртас, не дожидаясь, пока телега остановится, соскочил с облучка и подошёл к первому мешку. Он положил на него руку — тяжело, по-хозяйски, — и я увидела, как его лицо осветилось той самой радостью, которую я заметила утром, когда он говорил о работе.

— Дай посмотрю, — сказал он, развязывая мешок и заглядывая внутрь. Он взял кусок угля, повертел в руках, понюхал и улыбнулся — и в этой улыбке было столько же радости, сколько у ребёнка, которому дали долгожданную игрушку. — Хороший. Твёрдый, чистый. Будет гореть долго и жарко. Я такие куски узнаю с первого взгляда: они не крошатся в руках, не оставляют слишком много сажи и дают тот ровный, глубокий жар, от которого железо само просит молота. С таким углём можно и подкову выковать, и клинок, и всё, что душа пожелает.

Он поднёс кусок к лицу, вдохнул его запах — сухой, землистый, с лёгкой горчинкой, — и я увидела, как его плечи расслабились, словно с них свалилась невидимая тяжесть. Все эти

дни, пока он ждал, пока работа стояла, он держался ровно, но я знала: без дела он не находил себе места. Теперь дело было у него в руках.

— Мы взяли шесть мешков, — сказал Грисс, хлопая ладонью по одному из них. Мешок отозвался глухим, плотным звуком, и по этому звуку я поняла, что он полон до самого верха, без пустот и без обмана. — Продавец уступил, потому что взяли оптом. Сказал, такого угля в городе мало, но нам повезло — его только привезли. Мы пришли как раз вовремя: ещё бы день-другой, и его разобрали бы другие кузнецы. Я, честно говоря, не ожидал, что так выйдет, — думал, придётся ехать к другому, а то и вовсе возвращаться с пустыми руками.

Он говорил это с той спокойной гордостью, которую я так хорошо знала: он никогда не хвастался, но и не скрывал, когда дело было сделано хорошо. Я видела, как он устал — в его глазах залегла дорожная пыль, плечи чуть опустились, — но под этой усталостью было удовлетворение, и оно было сильнее.

— А металл? — спросила я, подходя ближе. Я старалась говорить ровно, но в голосе всё равно прозвучала тревога: без металла уголь был только половиной дела, и я хотела знать, что вторая половина не потеряна.

— Металл привезут на той неделе, — ответил Иртас, ставя мешок на землю и вытирая руки — они стали серо-чёрными от угольной пыли, и он вытер их о штаны, не задумываясь. — Торговец обещал подобрать партию: железо, немного стали, может быть, медь. Мы заплатили задаток, и он привезёт всё сам на своей повозке. Сказал, что если всё сложится, то к концу недели уже будет у нас. Я бы, конечно, хотел сегодня, но что поделаешь: хороший металл не валяется на дороге.

— Сколько заплатили? — спросила Арисса, с любопытством заглядывая в телегу. Она старалась казаться беспечной, но я слышала в её голосе ту же озабоченность, что и у меня: она считала не из жадности, а из желания знать, что у нас осталось.

— Почти всё золото, что было, — признался Грисс. Он сказал это просто, без оправданий, и я поняла, что он уже всё обдумал и принял решение. — Но оно того стоило. Уголь и металл — это то, что нам нужно, чтобы работать зимой и не зависеть от случайных находок. Я не хочу, чтобы Иртас опять сидел без дела и ждал, пока кто-то привезёт ему кусок железа. Мы вложили деньги в работу — а работа прокормит нас лучше, чем золото в сундуке.

Мы принялись разгружать. Келл и Грисс перенесли мешки в кузницу — по одному, тяжело ступая, — я помогала светить фонарём, а Иртас заносил их внутрь и укладывал вдоль стены, аккуратно, как драгоценность. Каждый мешок он ставил на своё место, поправлял, чтобы не кривился, и я заметила, что он делает это не как с грузом, а как с чем-то живым, что требует заботы. Я стояла в дверях кузницы и смотрела, как они работают, как в полумраке мелькают их тени — большие, спокойные, — как пахнет углём и дорогой. Этот запах смешивался с запахом остывающего горна и старого железа, и мне казалось, что сама кузница оживает, что она ждала этого дня так же, как и Иртас.

Когда последний мешок был на месте, Иртас выпрямился, оглядел стену, уставленную мешками, и я увидела, как он провёл рукой по одному из них — легко, почти нежно. Я поняла: это было не просто сырьё, это было начало. Начало работы, начало зимы, начало чего-то нового для всего нашего дома.

— Теперь, — сказал Иртас, когда последний мешок был на месте, — мы можем начинать ковать по-настоящему. Я сделаю вам лопаты, ножи, подковы для оркосов. А потом — что ещё придумаете. Я сделаю всё, что нужно этому дому. Я давно ждал этого дня — и вот он пришёл.

Вечером мы сидели за столом на свежем воздухе. Дети уже спали, и только свет лампы освещал наши лица — тёплый, дрожащий, он выхватывал из темноты то руки, то глаза, то край стола, и всё остальное тонуло в мягком сумраке. Грисс держал кружку с чаем и молча смотрел на огонь — он всегда так делал, когда был доволен, и слова ему были не нужны. Келл сидел чуть в стороне, но я видела, что он улыбается — редко, но искренне, и эта улыбка была дороже

любых слов. Иртас рассказывал о своих планах, о том, что он сделает в кузнице в первую очередь: сначала лопаты, потому что земля ждёт; потом ножи, потому что старые уже стёрлись; потом подковы, потому что оркосы скоро понадобятся на осенней дороге. Он говорил тихо, но в его голосе была та уверенность, которая появляется у человека, знающего своё дело. Я слушала его и чувствовала, как тревога этого дня — долгая, тянущая, — наконец отпускает меня, и на её место приходит спокойствие. Мы сделали то, что должны были сделать. А остальное — дело рук и времени.

— Завтра я начну с лопаты, — говорил он. — У нас есть хорошее железо, я подкую его, и она будет служить годами. Я знаю, как взяться за дело: сначала разогрею горн, дам углю разгореться до белого жара, потом положу железо на наковальню и буду бить, пока оно не станет мягким, как глина. А потом — подковы. Оркосы растут, им нужна хорошая защита. Я прикинул уже: на передние ноги пойдёт потолще, на задние — потоньше, чтобы не тяжело было. Они у нас животные сильные, но и им нужен уход, как всякому живому существу.

Он говорил это, глядя в огонь, и я видела, как в его глазах отражаются угли — маленькие, красные, живые. Мне казалось, что он не просто рассказывает, а видит всё это перед собой: и горн, и раскалённое железо, и первые удары молота, которые разбудят кузницу после долгого молчания. В его голосе была та особенная неторопливость, с которой мастера говорят о работе, когда она ещё впереди, — неторопливость человека, который знает, что каждое движение будет верным, потому что руки помнят.

Мы сидели в тишине, смотрели на огонь, на звёзды, на свежий воздух, который пах летом и надеждой. Ночь была ясная, безветренная, и звёзды висели низко, крупные, словно кто-то рассыпал их по тёмному небу щедрой рукой. Где-то вдалеке стрекотали кузнечики, и этот звук был таким привычным, таким домашним, что я почти не замечала его — он был частью тишины, как дыхание спящих детей за стеной. Огонь в лампаде чуть подрагивал, и по лицам сидящих пробежали лёгкие тени; я смотрела на них — на Грисса, спокойного и тёплого, на Келла, молчаливого и надёжного, на Иртаса, который весь был устремлён в завтрашний день, — и думала о том, как странно и просто устроена жизнь: вот мы сидим, усталые и довольные, и ничего особенного не происходит, но именно из таких вечеров и складывается то, что потом называешь домом.

Я чувствовала, как этот день укладывается в нашу общую историю — день, когда мы купили уголь, чтобы разжечь огонь, который согреет нас зимой и позволит нам работать. Я знала, что буду вспоминать его потом — может быть, холодным утром, когда кузница будет гудеть от работы, а может быть, ещё через много лет, когда всё это станет далёким и дорогим. И ещё я думала о том, что счастье — это не что-то большое и громкое, а вот такие тихие минуты, когда все живы, все вместе, и впереди есть дело, которое ждёт твоих рук. Я протянула руку и коснулась плеча Грисса — просто так, ничего не говоря, — и он накрыл мою ладонь своей, тёплой и шершавой, и мы сидели так, молча, и огонь тихо горел, и звёзды тихо светили, и ночь была доброй.

Глава 2

День выдался солнечным и тёплым. Лёгкий ветерок шевелил листья молодых деревьев — тех самых, что мы посадили вдоль дорожки три года назад и которые теперь уже вытянулись мне по плечо, — а от влажной после утренней росы земли поднимался свежий, пряный запах лета. Этот запах был сложным, многослойным: в нём смешивались и нагретая зелень, и сырая почва, и что-то сладковатое от цветущих трав, и я вдыхала его полной грудью, чувствуя, как он наполняет меня покоем. Я решила прогуляться по заднему двору, чтобы полюбоваться тем, что мы вырастили и обустроили своими руками. Времени было немного — скоро надо было приниматься за дела, — но мне хотелось хоть ненадолго задержать это утро, растянуть его, как растягивают удовольствие от первого глотка воды в жаркий день.

Грядки зеленели ровными рядами — лук уже выбросил свои перья, горох вился по прутьям, которые Грисс вкопал ещё в начале весны, а молодые ростки моркови и свёклы набирали силу, и их бледно-зелёные листочки блестели на солнце, словно смазанные маслом. Я остановилась и провела пальцами по тёплой верхушке лука, вдыхая его острый, прохладный запах. Земля под ногтями осталась чёрная, мягкая, и я не стала её стряхивать — пусть будет, это была хорошая земля, живая. Всё росло, всё жило, и я чувствовала, как внутри меня разливается то особое тепло, которое даёт только созидание. Я подумала о том, сколько всего мы перекопали, сколько семян посадили, сколько раз поливали эти грядки в засуху, таская воду вёдрами от колодца, — и вот теперь земля отвечала нам, тихо и щедро, как отвечает человек, которому сделали добро. Я стояла и слушала, как гудят пчёлы над горохом, и мне казалось, что я слышу, как растёт каждая травинка.

Я прошла дальше, к клумбам. Ромашки и васильки, которые мы посадили весной, цвели уже полным ходом, привлекая шмелей и бабочек — тяжёлых, бархатных, они перелетали с цветка на цветок, и их крылья мерцали в солнечном свете. Линира каждый день поливала их, и теперь они стояли нарядные, чуть качаясь на ветру, и я подумала, что надо будет сказать ей спасибо: она делала это не по обязанности, а потому что любила смотреть, как раскрываются бутоны. Я остановилась возле большой клумбы у забора, где росли жёлтые и оранжевые цветы, похожие на маленькие солнца, и задержала взгляд. Они были такие яркие, такие простые и такие радостные, что я невольно улыбнулась. В этой клумбе не было ничего особенного — просто цветы, посаженные вдоль забора, — но в ней было что-то, отчего хотелось стоять и смотреть, и я стояла, забыв, куда шла.

От клумб я пошла дальше, к старому пню, где мы когда-то нашли первый сундук. Пень уже почти сравнялся с землёй, оброс мхом и травой, и только по тёмному кругу трухлявой древесины можно было угадать, что здесь когда-то было дерево. Трава там была высокой, зелёной, и я брела по ней, рассеянно разглядывая землю под ногами — просто так, без всякой цели, как бродят, когда никуда не спешат. Память сама вернула меня в тот день: как мы нашли сундук, как боялись открыть его, как потом радовались, как делили то, что внутри. С тех пор многое изменилось, и всё же что-то осталось прежним — вот эта земля, вот этот пень, вот это небо над головой. И тут, не знаю отчего, мне пришло в голову пошутить. Может быть, от избытка тепла, от того чувства, которое бывает, когда всё хорошо и хочется улыбнуться; а может быть, просто потому, что тишина была такой полной, что её захотелось нарушить.

Я остановилась, положила руки на бёдра, улыбнулась и сказала в пустоту, глядя на землю: — Ну, если здесь есть ещё один клад, укажи мне место.

Тишина. Ветер — лёгкий, тёплый, он прошёл по траве, и трава зашептала что-то своё, неразборчивое. Я уже хотела усмехнуться собственной выдумке и пойти дальше, но что-то меня удержало — какое-то смутное чувство, похожее на то, когда знаешь, что забыл что-то важное, но не можешь вспомнить что именно. Я постояла ещё мгновение, прислушиваясь к

себе, и вдруг заметила, что прямо в нескольких шагах от меня, на ровной, ничем не примечательной земле, появился небольшой бугорок. Он был совсем невысокий, едва заметный, и если бы не игра света и тени, я бы, наверное, прошла мимо. Но трава на нём лежала иначе — не так, как вокруг, — и это меня насторожило. Я подошла ближе и увидела, что из земли торчит тёмный край чего-то непонятного — не камень, не корень, а что-то гладкое, с ровным краем. Я присела на корточки — колени хрустнули, и я отметила про себя, что старею, — потянула за него, и из земли выскользнул старый, потёртый кошель. Он вышел легко, словно земля сама его отдала, и я на мгновение замерла, держа его в руках и не веря, что это происходит наяву.

Он был кожаным, тёмно-коричневым, с потрескавшейся поверхностью и стёртыми краями. Кожа была жёсткой, почти одеревеневшей от времени, но я чувствовала, что внутри что-то есть — что-то тяжёлое, плотное, оно перекатывалось внутри при каждом моём движении и глухо, сдержанно позвякивало. Я провела пальцами по трещинам — их было много, они покрывали кожу сетью, как морщины покрывают лицо старого человека, — и подумала о том, чьи руки держали этот кошель раньше, кто его прятал и почему. Меня охватило странное чувство: я не боялась, нет, но я ощущала, что прикоснулась к чему-то, что было здесь задолго до нас. Я развязала тесёмку — она поддалась не сразу, узел затянулся от времени, и мне пришлось повозиться, — заглянула внутрь — и у меня перехватило дыхание. На мгновение мне показалось, что я вижу не то, что есть, что это игра света или моё воображение, но нет — это было наяву.

Кошель был до краёв наполнен монетами. Они лежали плотно, тяжело, одна к одной, без всяких мешочков и разделителей, и я видела, что это не просто старые монеты — это были монеты разных эпох: медные, тёмные от времени, покрытые зеленоватой патиной; серебряные, тускло поблёскивающие даже в тени, с мягким, благородным блеском; и золотые, редкие, но ощутимо весомые, они лежали на самом дне и словно светились изнутри. Я высыпала их на ладонь — рука сразу отяжелела, и я едва удержала всё, — на вид они были древними, с изображениями птиц, деревьев, незнакомых знаков, которые я не могла прочесть, но я чувствовала, что в них нет порчи, они настоящие и, судя по весу, полновесные. Одна монета выскользнула и упала в траву, и я долго искала её, стоя на коленях, пока не нашла — она лежала, блестя, как маленькое солнце, и я подумала о том, что вот так же когда-то кто-то другой искал её в траве, и не нашёл, и оставил здесь на долгие годы.

Я поднялась, держа кошель в руках, — он был тяжёлый, гораздо тяжелее, чем я ожидала, — и оглянулась по сторонам. Никого. Только я, тихий двор, цветы и тёплое солнце. Ни звука, ни движения, и от этой обыденности происходящее казалось ещё более странным. Я стояла и думала о том, что в мире, оказывается, есть места, которые сами отдают то, что в них спрятано, и что удача иногда приходит не тогда, когда её ищешь, а тогда, когда просто стоишь и смотришь на цветы.

— Ну и ну, — сказала я вслух, и голос мой прозвучал удивлённо и немного насмешливо. Я сама не знала, чему больше удивляюсь: находке или тому, что она пришла в ответ на мою шутку. Мысль об этом была слишком странной, чтобы её додумывать, и я просто пошла к дому, прижимая кошель к груди.

Я вернулась в дом и показала находку остальным. Грисс взял кошель, взвесил в руке и присвистнул — рука его заметно опустилась, и он посмотрел на меня с таким выражением, будто хотел убедиться, что я понимаю, что именно принесла. Арисса, заглянув внутрь, одобительно хмыкнула и запустила руку в кошель, перебирая монеты с той деловитой неторопливостью, с какой перебирают крупу перед варкой.

— Монеты старые, — сказала она, перебирая несколько серебряных. Она держала их на ладони, слегка подбрасывала, и они звенели — глухо, мягко, не так, как звенят новые. — Но в ходу они и сейчас. Древние, но не вышедшие из обращения. Я такие видела пару раз в городе, у стариков, которые держат их не для траты, а для памяти. Смотри, вот эта — с профилем, а

вот эта — с деревом. Такие чеканили задолго до нас, и всё же они ходят, потому что металл в них честный, без примесей.

Келл, стоявший в тени — он всегда стоял чуть в стороне, у стены, откуда всё было видно и откуда его самого почти не было заметно, — подошёл ближе и посмотрел на кошель через плечо Ариссы. Он ничего не сказал, но я заметила, как он коротко улыбнулся — так, как умеют улыбаться те, кто не любит лишних слов. В этой улыбке было всё: и удивление, и одобрение, и что-то ещё, похожее на спокойную уверенность в том, что всё идёт правильно. Он провёл пальцем по одной из монет — осторожно, почти благоговейно, — и я поняла, что он тоже чувствует то же, что и я: что это не просто деньги, а что-то большее.

Миранель взял одну из монет — золотую, самую тяжёлую, — повертел её на свету, и его брови поползли вверх. Он поднёс её ближе к глазам, потом отвёл руку, потом снова приблизил, словно не доверяя зрению, и в его взгляде появилось то особенное выражение, которое бывает у человека, когда он узнаёт что-то давно забытое.

— На этой изображён знак, который я видел в древних рукописях. Символ плодородия. Возможно, монета была отчеканена ещё в те времена, когда Пустые земли были плодородными. Я помню эти рукописи — они лежали в старой библиотеке, в кожаном переплёте, и я читал их ночами, при свече, потому что днём было не до того. Тогда я думал, что это сказки. А теперь держу в руках доказательство.

Он замолчал, и в наступившей тишине я услышала, как за окном стрекочут кузнечики и как где-то далеко, на границе слышимости, гудит пчела.

— Или, — сказала я, улыбаясь, — земля просто решила пошутить в ответ на мою шутку.

Мы посмеялись — негромко, недолго, но от этого смеха стало легче, словно он снял с нас то напряжение, которое всегда приходит вместе с чем-то необъяснимым. Но я чувствовала, что это не было случайностью. Я не знала, кто оставил этот кошель — может быть, человек, который жил здесь задолго до нас, а может быть, кто-то другой, — но я знала, что он нашёл меня. И что земля, которую я когда-то считала пустой, теперь дарит мне не только воду и зелень, но и знаки — тихие, древние и удивительные. Я думала об этом весь остаток дня, и даже ночью, лежа без сна, я снова и снова возвращалась к этой мысли, и она согревала меня, как согревает огонь в холодную ночь.

Через несколько дней после того, как я нашла кошелек с монетами, к нам приехал торговец металлом. Я как раз поливала грядки — земля подсохла, и вода впитывалась быстро, с тихим шипением, — когда услышала стук копыт и скрип колёс. Этот звук отличался от того, к которому я привыкла: он был тяжелее, медленнее, словно лошади тащили большой груз и шли не спеша, зная, что путь не близкий. Подняв голову, я увидела большую повозку, гружённую ящиками и мешками — они громоздились друг на друге и были привязаны верёвками, — и пожилого человека в дорожном плаще, сидевшего на облучке. Плащ его был выцветшим, покрытым пятнами дорожной пыли, и в его осанке чувствовалась та усталая уверенность, которая приходит к человеку, проведшему в дороге много лет. Рядом с ним, на задней части повозки, сидели три женщины — две бледные, с тонкими чертами лица, и одна, с острыми ушами, выглядывающая из-под капюшона.

Я отложила лейку и подошла к калитке. Вода с моих рук капала на землю, и я вытерла их о передник — медленно, не сводя глаз с незнакомцев, — потому что что-то в этой повозке, в этих молчаливых женщинах, в том, как торговец сидел на облучке, заставляло меня быть настороже. Торговец спрыгнул на землю — это был коренастый человек с усталыми, но добрыми глазами. Он двигался тяжело, словно каждый шаг давался ему с трудом, и я заметила, что одна нога у него чуть подволакивает — старая дорожная травма, каких у торговцев немало. Но глаза его были ясные, и в них не было ни хитрости, ни жадности, и это меня немного успокоило.

— Здравствуйте, — сказал он. Голос у него был низкий, хрипловатый, как у человека, который много говорит на ветру и в дороге. — Я привёз металл, как договаривались с Ирtaşом.

Тут железо, сталь, немного меди — как вы просили. Всё отобрано, всё честное. Я не вожу пустого товара.

— Проходите, — сказала я, открывая калитку. Она скрипнула, как всегда скрипела, и я отметила про себя, что петли надо бы смазать. — Иртак сейчас в кузнице. Он ждал вас — с самого утра поглядывает на дорогу, я уж думала, он не выдержит и сам пойдёт навстречу.

Торговец кивнул, но не двинулся с места. Он обернулся на повозку — медленно, словно решаясь на что-то, — и сказал что-то тихо, почти неслышно, и одна из женщин, самая старшая на вид, поднялась и ступила на землю. Она двигалась плавно, без усилий, словно не шла, а скользила, и когда она выпрямилась, я увидела, что она высокая, очень высокая, и держится с той спокойной прямоотой, которая бывает у людей, привыкших к вниманию и уставших от него. Её глаза были светлыми, почти прозрачными, и я поняла, что передо мной — вампирша. Я видела вампиров раньше, но мельком, в городе, и всегда на расстоянии; сейчас же одна из них стояла в нескольких шагах от меня, и я рассматривала её с тем любопытством, которое бывает у людей, впервые столкнувшихся с чем-то знакомым только по слухам. За ней последовали две другие — так же молча, так же плавно. Младшая вампирша держалась чуть позади, и её руки были заняты дорожной сумкой, которую она прижимала к груди, как прижимают что-то дорогое. Эльфийка шла последней, и её острые уши чуть подрагивали — она прислушивалась к нашему разговору, к каждому слову, и я поняла, что она понимает больше, чем показывает.

— Я знаю, что это большая просьба, — сказал торговец, понижая голос. Он говорил быстро, словно боялся, что если остановится, то не решится продолжить. — Но эти женщины — мои дальние родственницы. Их семьи хотят выдать их замуж по расчёту, а они не хотят. Бежать им некуда. Я подумал, может, вы примете их на время, пока всё не утихнет. Они умеют работать. Вампириши — швеи, отличные мастерицы. А эльфийка — лекарь, знает травы лучше многих. Я не прошу милостыни — я прошу приюта. На время. Они не будут вам обузой, я обещаю.

Я перевела взгляд на женщин. Они стояли молча, не опуская глаз, но в их позах чувствовалась усталость и напряжение — та особенная скованность, которая бывает у людей, долго находившихся в пути и не знающих, где они будут ночевать. Старшая вампирша, высокая и стройная, с седыми прядями в тёмных волосах — седина была у неё не от возраста, а от пережитого, я это сразу поняла, — смотрела на меня с надеждой, смешанной с достоинством. Она не просила, она ждала, и в этом ожидании было столько выдержки, что я невольно прониклась к ней уважением. Младшая вампирша, с рыжеватыми волосами и бледной кожей — такой бледной, что она казалась почти прозрачной в утреннем свете, — стояла рядом с эльфийкой, которая держала в руках небольшой узелок с вещами. Эльфийка была невысокая, тонкая, и её лицо, обрамлённое светлыми волосами, казалось спокойным, но в глазах — я видела это даже на расстоянии — затаилась тревога. Они держались вместе, эти трое, и в том, как они стояли, как смотрели, как молчали, я почувствовала нечто большее, чем усталость. Я почувствовала, что они пришли не просто за приютом. Они пришли за местом, где можно перевести дух.

— Мы не хотим быть обузой, — сказала старшая вампирша. Голос у неё был низкий, с лёгкой хрипотцой, но в нём слышалась твёрдость, и она говорила так, как говорят люди, привыкшие отвечать за свои слова. — Мы будем работать, помогать по дому и в мастерской. Я шью с детства, и не только простое — я умею вышивать по шёлку, по коже, по тонкому полотну. Лира — она моя племянница — тоже мастерица, у неё рука лёгкая и глаз верный. А Илара знает травы так, как не знает ни один городской лекарь: она собирала их в лесах, где нас никто не учил, и училась сама, по книгам и по опыту. Только дайте нам место, где можно укрыться. Мы не просим большего.

Я посмотрела на дом — на его крепкие стены, на окна, в которых отражалось утреннее солнце, на дверь, за которой спали дети, — на грядки, которые мы вскопали и засеяли своими руками, на кузницу, откуда доносился звон металла: ровный, спокойный, уверенный. У нас

уже жили дети — трое, подобранных в разное время и ставших нашими, — семья медведей, которые пришли зимой и остались, потому что им было некуда идти, и мы все делили кров и труд, и это оказалось не так сложно, как я боялась когда-то. Ещё несколько человек — не проблема, если они готовы работать. Я подумала о том, что дом наш невелик, что места в мансарде немного, что зима будет долгой и запасов может не хватить — и всё же я не могла сказать «нет». Что-то в этих женщинах — в том, как они стояли, как смотрели, как молчали, — было мне знакомо. Я тоже когда-то стояла так перед чужим порогом.

— Заходите, — сказала я. — Место найдём. Покажу, где устроиться. У нас не дворец, но крыша крепкая, и еды хватит на всех, если работать сообща.

Женщины переглянулись — быстро, понимающе, — и я заметила, как по их лицам разливается облегчение. Оно было негромким, это облегчение: плечи чуть опустились, пальцы разжались, дыхание стало ровнее. Они взяли свои узлы — небольшие, лёгкие, в них было, наверное, всё, что у них осталось, — и пошли за мной в дом. Я шла первой и слышала за спиной тихие шаги: три пары ног, три разных походки. Вивьен ступала плавно и уверенно, Лира — чуть быстрее, словно боялась отстать, Илара — легко, почти неслышно, как ходят те, кто привык к лесным тропам.

Когда мы зашли в гостиную, я позвала АриССу и Миранеля. АриССа вышла из своей комнаты с пучком сушёных трав в руках — она как раз перебирала их, — и на её лице отразилось удивление, которое она быстро спрятала за привычной сдержанностью. Миранель появился из угла, где он обычно сидел с книгами: он был высокий, сутулый, с руками, испачканными чернилами, и в его глазах светилось любопытство. Я представила гостей и рассказала, с чем они пришли — коротко, без лишних слов, но так, чтобы все поняли: это не случайные путники, это люди, которым нужна помощь.

— Это Вивьен, — я указала на старшую вампиршу. Она стояла прямо, чуть склонив голову, и в её позе было столько спокойного достоинства, что я невольно выпрямилась сама. — Это Лира, — на младшую. Лира держалась чуть позади тётки, и её бледные пальцы теребили край платка — она волновалась, хотя старалась этого не показывать. — А это Илара, — на эльфийку. Илара стояла спокойно, и её острые уши чуть подрагивали, ловя каждое слово, каждый звук в комнате.

— Мы будем помогать, — повторила Вивьен, и в её голосе была та спокойная настойчивость, с которой люди доказывают, что они не зря занимают место. — Я шью одежду, вышиваю. Лира тоже. А Илара знает травы и умеет лечить. Она может помочь, если кто-то заболит, — а в доме, где много людей, всегда кто-то болеет.

АриССа подошла ближе, оглядела женщин — медленно, внимательно, от лица к рукам, от рук к одежде, — и кивнула. Я знала этот её взгляд: она оценивала не богатство, а надёжность, и то, что она кивнула, означало, что она увидела то, что искала.

— Хорошо, — сказала она, и в её голосе не было колебаний. — Вы будете жить с нами. Работа найдётся всем. У нас не принято сидеть без дела, но и без отдыха никто не остаётся. У нас есть правила, и мы их расскажем, но главное правило одно: мы друг за друга. Если вы согласны — оставайтесь.

— Я помогу вам с кроватями, — сказал Грисс, появляясь в дверях. Он вошёл тихо, но его присутствие сразу заполнило комнату — он всегда приносил с собой спокойствие, как приносят тёплый хлеб. — У нас есть доски и место в мансарде. Там уютно и тепло. Я сам там спал, когда мы только переехали, — знаю, что говорю. Крыша не течёт, окно есть, и к утру там солнце. Поставлю две кровати, а третью — чуть позже, когда найду ещё досок.

Эльфийка Илара, до этого молчавшая, подняла глаза — они были серо-зелёные, как вода в лесном озере, — и сказала тихо, но так, что её услышали все:

— Спасибо вам. Вы не представляете, что для нас значит это приглашение. Мы шли три дня, и я уже не думала, что найдём место, где нас не прогонят. Я не забуду этого.

— Мы знаем, — сказала Арисса. Она подошла к Иларе и коснулась её плеча — легко, почти невесомо, — и в этом прикосновении было больше, чем в любых словах. — Мы сами когда-то были теми, кого приняли. И я помню, как это было. Помню, как стояла на пороге и не знала, впустят меня или нет. Поэтому мы не прогоняем. Мы впускаем.

И я в этот момент почувствовала, что наш дом стал ещё больше. Не в смысле стен или комнат — стены остались теми же, и мансарда не прибавила нам места, — но в том смысле, который важнее: мы стали больше как люди. Я стояла в гостиной, смотрела на Вивьен, которая уже расспрашивала Ариссу о тканях, на Лиру, которая робко улыбалась детям, выглядывавшим из-за двери, на Илару, которая опустила на корточки и рассматривала пучок трав, оставленный на столе, — и понимала, что мы — не просто живущие рядом люди, а настоящая община, готовая принять каждого, кто ищет защиты и готов работать. Это чувство было не новым — оно приходило ко мне и раньше, когда появлялись дети, когда семья медведей осталась зимовать, когда мы все вместе тушили пожар в кузнице, — но сейчас оно стало сильнее и яснее, как будто дом, который мы построили, наконец-то наполнился до краёв.

И я вспомнила о кошельке, который нашла у старого пня, о том, как он появился будто бы ниоткуда — из земли, из тишины, из моей нечаянной шутки. Я вспомнила, как монеты блеснули на ладони, как Грисс присвистнул, как Арисса перебирала их с деловитой неторопливостью, как Миранель узнал древний знак плодородия. Жизнь словно намекала: это не просто случайность. Это дар, и нам нужно будет использовать его мудро, чтобы хватило на всех — на детей, на медведей, на этих женщин, которые пришли к нам с пустыми руками, но с готовностью работать, на всех, кто ещё придёт, потому что кто знает, сколько их будет и сколько ещё дорог приведёт людей к нашей калитке. Я думала о том, что дар — это не только монеты; дар — это и сама земля, которая нас кормит, и кузница, которая даёт работу, и дом, который даёт кров. И ещё я думала о том, что дары нужно не просто принимать, но и отдавать — иначе они превращаются в тяжесть.

Ведь кто знает, какие ещё испытания и подарки ждут нас впереди? Может быть, зима будет суровой и запасов не хватит; может быть, металл, который привёз торговец, окажется не таким хорошим, как он обещал; может быть, кто-то из нас заболеет или уйдёт. А может быть, всё сложится иначе — и мы переживём зиму, и весной посадим ещё больше, и в доме станет ещё теснее от людей и голосов. Я не знала ответов, и это было странно приятно: не знать, но быть готовой. Я стояла в гостиной, слушала, как Грисс объясняет Лире, где взять досок, как Арисса показывает Вивьен кладовую, как Илара перебирает травы и тихо говорит что-то Миранелю, — и чувствовала, что всё идёт правильно. Я не знала, что будет завтра, но я знала, что мы справимся. А если не справимся — что ж, значит, будем справляться вместе. Так уж устроен наш дом.

Глава 3

В доме становилось всё теснее. С каждым днём я чувствовала, как стены словно сдвигаются — медленно, незаметно, но неотвратно, — как воздух становится плотнее от количества людей, голосов, дыхания. Утром уже нельзя было пройти в кухню, не задев кого-нибудь плечом; вечером, когда все собирались, в гостиной не хватало стульев, и кто-то всегда сидел на полу или на подоконнике. Дети бегали по гостиной, взрослые переговаривались вполголоса — по двое, по трое, в разных углах, — и даже простой ужин превращался в небольшое собрание, где каждый ждал своей очереди сказать слово. Мы любили друг друга, мы были благодарны за каждый новый день — я видела это в том, как Грисс улыбался, глядя на всех за столом, как Арисса безропотно уступала место у окна, как Илара помогала готовить, хотя её никто не просил, — но нам нужно было больше места. Я чувствовала это не как неудобство, а как что-то большее: как будто дом, который мы построили, стал тесен для той жизни, которая в нём выросла.

Однажды вечером, когда все собрались за столом — а за столом сидели уже в три ряда, и дым от лампы стоял в воздухе сизым облаком, — я сказала:

— Нам нужен новый дом. Рядом. Чтобы все могли жить свободно, чтобы у каждого было своё место.

Наступила тишина. Грисс поднял голову — медленно, словно взвешивая мои слова, — Келл перестал помешивать чай, и ложка замерла в его руке, Иртас опустил кружку, которую держал в руках, и она глухо стукнула о стол. Я видела, что они не удивились — скорее, ждали этого, — но всё равно молчали, потому что слова, сказанные вслух, меняли что-то. Пока не сказано, можно было делать вид, что всё в порядке; теперь нужно было решать.

— Ты права, — сказала Арисса, оглядывая комнату. Она смотрела медленно, по стенам, по лицам, по вещам, и в её взгляде была не усталость, а трезвость. — В мансарде уже не повернуться, и кухня — это хорошо, но это не жильё. Там пахнет дымом и железом, и спать там можно, только если очень устал. Дети растут, им нужны свои углы, а нам — место, где можно поговорить, не боясь разбудить соседа.

— Мы можем построить второй дом, — сказал Грисс. Он говорил спокойно, как говорят о деле, которое уже обдумали. — Недалеко от этого, чтобы не разрывать связи, но достаточно просторный, чтобы в нём могли жить гости или семьи. Мы не будем отгораживаться — наоборот, чем больше нас, тем крепче двор. Я давно думал об этом, но ждал, пока ты сама скажешь.

— Или когда у нас будут новые жилыцы, — добавила я. Я сказала это без тревоги — скорее с той спокойной уверенностью, которая приходит, когда понимаешь, что жизнь больше тебя и что дом, который растёт, — это не проблема, а продолжение.

Мы начали планировать на следующий же день. Грисс, Келл и Иртас ушли в лес — рано утром, с топорами и верёвками, — чтобы выбрать подходящие брёвна, а я с Ариссой и женщинами занималась домом, прикидывая, как лучше организовать будущее строительство. Вивьен предложила выкроить время и сшить рабочие рукавицы — для тех, кто будет таскать брёвна; Илара сказала, что знает, где растёт хороший мох для конопатки; Лира вызвалась помогать на кухне, чтобы у нас было больше свободных рук. Мы разговаривали вполголоса, чертили что-то углём на доске, спорили о том, где ставить окна, и я чувствовала, как внутри меня растёт что-то тёплое — не радость даже, а благодарность. Дом, который мы собирались построить, был не просто вторым домом. Он был доказательством того, что мы живём не зря.

— Главное — фундамент, — сказал Иртас, когда они вернулись с первой партией брёвен. Он свалил их у забора, и они легли рядом — тёмные, свежие, ещё пахнущие смолой и лесом, и от них шёл такой крепкий, чистый запах, что я на минуту забыла обо всём. — Дом

должен стоять крепко, чтобы не повело зимой и не просело. Я видел, как строят в городе: сначала копают ямы, кладут камни, утрамбовывают. Мы сделаем так же. Пусть это займёт больше времени, зато потом простоит сто лет.

— Мы разметим площадку вон там, — указал Грисс на свободное место чуть дальше от нашего дома, но в пределах видимости. Он стоял, расставив ноги, и смотрел на пустой участок так, словно уже видел на нём стены и крышу. — Там сухо, солнечно, и есть подход к воде. По утрам там солнце с востока, а вечером тень от деревьев, — значит, летом не будет жарко. Я прикинул: дом можно поставить так, чтобы окна выходили на восток и на юг. Тогда зимой будет светло, а это важно, когда дни короткие.

— Хорошее место, — кивнул Келл. Он сказал всего два слова, но в них было столько веса, что спорить никому не пришло в голову. Он уже держал в руках колышки и верёвку — готовый размечать, — и я поняла, что он ждал этого разговора так же, как и все мы.

Они начали строить, и я видела, как на наших глазах вырастают стены нового дома — медленно, венец за венцом, но верно, как растёт дерево. Сначала фундамент — камни, которые привезли на телеге из леса, тяжёлые, серые, поросшие мхом, и их укладывали ровно и плотно, подгоняя друг к другу так, чтобы не осталось щелей. Иртас проверял каждый камень на ощупь, проводил по нему ладонью, и если камень сидел криво, его вынимали и клали заново. Затем — первый венец брёвен, пахнущий смолой и лесом, и этот запах был таким свежим, таким живым, что я стояла рядом и вдыхала его, как вдыхают запах весны после долгой зимы. Грисс управлялся с топором так ловко, что щепки разлетались в стороны — крупные, смолистые, они падали в траву и оставались там, и дети потом собирали их и играли, строя свои маленькие домики. Иртас подгонял брёвна друг к другу — он делал это с той тщательностью, с какой куют металл: без спешки, без суеты, но так, чтобы всё было точно. А Келл носил, поднимал и укладывал — молча, ровно, и его сила казалась спокойной и надёжной, как сила самого леса. Они работали молча, но слаженно, как будто делали это всю жизнь — а может, и делали: каждый из них когда-то строил свой дом, и теперь руки помнили.

Я выходила к ним с водой и едой — с кувшином, который оттягивал руку, с хлебом, завернутым в чистую тряпицу, с сыром и луком, — смотрела, как кладка поднимается всё выше, и чувствовала, как внутри меня растёт гордость. Это была не та гордость, которая возвышает человека над другими; это была тихая гордость за то, что мы делаем вместе, за то, что у нас хватает сил и умения, за то, что стены, которые вчера были просто брёвнами, сегодня стоят и держат крышу.

— Мы построим настоящий дом, — сказала Арисса, стоя рядом и глядя, как Келл укладывает очередное бревно на место. Она стояла, скрестив руки, и в её позе была не праздность, а отдых — короткий, заслуженный. — Не хуже того, в котором живём. Может, даже крепче: брёвна свежие, не сушёные, они ещё будут садиться, и щели потом законопатим мхом, как делали наши бабки.

— И даже лучше, — добавила я. — Потому что мы уже знаем, как это делается. Первый дом мы строили наспех, в холоде, не зная, что будет завтра. А этот строим спокойно, с умом, и знаем, что он простоит.

В течение недели стены почти выросли. Мы решили, что второй дом будет с кухней и гостиной на первом этаже, а на втором — четыре комнаты, чтобы можно было разместить несколько семей или гостей. Иртас спроектировал крышу с хорошим скатом, чтобы снег не задерживался, — он чертил на земле прутиком, объясняя, как лягут стропила, и я видела, что он думает о зиме, о ветрах, о том, что будет через год. Грисс начал заготовку досок для пола — он ходил в лес, выбирал сухостой, и приносил брёвна, которые потом распускали на доски. Я видела, как он работает: медленно, с расстановкой, но без единой ошибки. Лира помогала носить щепу и стружки, Вивьен сидела с шитьём у порога, а Илара собирала травы вдоль

дороги, поглядывая на стройку. Дети бегали вокруг, подбирали щепки, и их голоса смешивались со стуком топора и скрипом дерева.

— Это будет наш дом, — сказал мне Миранель, когда я стояла у порога нового строения и смотрела на почти готовые стены. Он подошёл тихо, как всегда, и встал рядом, глядя не на меня, а на дом. — Не просто убежище, а место, куда можно прийти и остаться. Я много где жил, и я знаю разницу между домом и убежищем. Убежище — это когда ты прячешься. Дом — это когда ты возвращаешься.

И я верила, что это так. Мы строили не просто стены — мы строили будущее. И в этом будущем было место для всех, кто искал тепла и защиты. Я смотрела на новый дом и думала о том, что когда-нибудь здесь будут жить другие люди — может быть, те, кто ещё не родился, — и они будут ходить по этим половицам, сидеть у этого очага, смотреть в эти окна. И они не будут знать, кто построил этот дом, но это и не важно. Важно, что он будет стоять.

То утро выдалось хмурым, с низким серым небом, предвещавшим дождь. Тучи висели над горами тяжёлые, плотные, и в их цвете было что-то свинцовое, окончательное, будто небо решило разом сбросить с себя всё летнее тепло. Я стояла у порога, глядя на горы — их вершины скрылись в облаках, и от этого они казались ближе и суровее, — и чувствовала, как в груди нарастает тревога. Она была тихая, эта тревога, но настойчивая, как больной зуб, о котором забываешь днём и который напоминает о себе ночью. Припасы таяли с каждым днём. Я знала это точно, потому что сама проверяла кладовую каждое утро, пересчитывала мешки, заглядывала в горшки. В кладовой оставалось всего несколько мешков муки — я пересчитала: три с половиной, — горсть крупы, немного вяленого мяса и сушёных трав. Народу становилось больше, а еды — меньше, и эта арифметика была беспощадной. Осень приближалась, и я знала, что дожди скоро размоют дороги, а зима — накроет землю так же внезапно, как в прошлом году, когда мы чуть не замёрзли. Я помнила ту зиму: как ветер выл в щелях, как мы жгли последние дрова, как дети плакали от холода. Я не хотела повторения.

Я собрала совет за столом. Сидели все — Грисс, Арисса, Миранель, Келл, Иртак, Дариса, женщины-гости и дети. Стол был длинный, но даже за ним всем не хватало места: кто-то сидел на лавке, кто-то на табурете, дети устроились на полу у ног взрослых. Я видела их лица — серьёзные, внимательные, — и понимала, что они чувствуют то же, что и я. Я говорила тихо, но старалась, чтобы меня слышали — до последнего человека, до последнего ребёнка.

— Еды осталось мало. А нас стало больше. Надо ехать в город за припасами. Мы не можем надеяться только на лес и огород — урожай ещё не созрел, а зима будет долгой.

Грисс нахмурился и положил ладонь на стол — тяжёлую, широкую, — и я видела, как под его пальцами побелела кожа. Он хотел что-то сказать, я знала это: он всегда хотел сказать, что поедет сам, что дорога не женское дело, что он справится лучше. Но Арисса опередила его:

— Я поеду. В городе знаю, где можно купить дёшево и не нарваться на обман. Я там выросла, я помню каждый переулок, каждого торговца. Меня не обманут.

Я кивнула. Я ждала этого — Арисса всегда вызывалась первой, когда дело касалось денег и расчётов, и в этом она была права: никто из нас не знал город так, как она.

— И я с тобой. Нужно составить список, рассчитать деньги — сколько у нас есть, и сколько нужно на зиму. Я знаю, что мы едим, и знаю, сколько нужно, чтобы хватило до весны.

— Я тоже хочу поехать, — сказала Вивьен. Она сидела чуть в стороне, и её голос прозвучал негромко, но в комнате стало тихо. — Я знаю, что нам ещё рано просить, но я умею договариваться, знаю цены, и меня не обведут вокруг пальца. Я много лет покупала ткани и нитки, торговалась с купцами, которые считают каждую монету. Лира и Илара останутся с детьми, помогут по хозяйству. Я не подведу.

Мы переглянулись. В её голосе звучала уверенность — не та, которую показывают, а та, которая идёт изнутри, от знания своего дела. Я посмотрела на Ариссу, и она едва заметно

кивнула. Грисс вздохнул, но не стал спорить: он понял, что дело решено, и что спорить с нами тремя бесполезно.

— Хорошо, — сказала я. — Едем втроём.

На следующее утро мы собрались в дорогу. Небо всё ещё хмурилось, но дождь так и не пошёл — только моросил временами, мелкий, почти невидимый, и от него земля становилась скользкой и тёмной. Я уложила в мешок сухари — тёмные, крепкие, они стучали друг о друга, как камешки, — немного сыра, завёрнутого в чистую тряпицу, флягу с водой, свечи на случай, если придётся заночевать в пути, и ещё одну тряпицу — про запас, потому что в дороге всё пригодится. Арисса проверила телегу — колёса, оси, постромки, — и делала это не спеша, с той обстоятельностью, которая отличает людей, знающих цену дороге. Она надавила на каждое колесо, проверяя, не шатается ли, подёрнула постромки, заглянула под телегу, и я видела, как она вытерла руки о штаны, когда закончила: значит, всё было в порядке. Вивьен взяла с собой пустой мешок для покупок — сложенный аккуратно, он висел у неё на плече, — и небольшой кошель со своими сбережениями, которые она откладывала в дороге. Монеты в нём были не наши, но она сказала, что они ходовые, и я ей поверила: она знала, о чём говорила.

— Мы постараемся вернуться до вечера, — сказала я, стоя у калитки. Я говорила ровно, но в горле у меня пересохло, и я сглотнула, прежде чем продолжить. — Если задержимся, не ждите дотемна. Мало ли что: дорога, торговцы, очереди. Лучше мы придём позже, чем вы будете сидеть и волноваться.

— Мы с Иртаксом присмотрим за домом, — сказал Грисс. Он стоял, скрестив руки, и в его позе была та спокойная надёжность, которая всегда меня успокаивала. — И за детьми. Езжайте, только будьте осторожны. Не берите лишнего, не спорьте с торговцами, не сворачивайте с дороги. И если что-то не так — возвращайтесь. Деньги — это деньги, а вы — это вы.

Телега тронулась — колёса скрипнули, оркосы фыркнули и пошли, — и мы выехали за ворота. Я обернулась, чтобы посмотреть на дом. Он стоял, утопая в зелени сада, — клумбы цвели, грядки зеленели, деревья шумели листвой, — а рядом наш новый дом, ещё без крыши, но уже почти готовый: стены поднялись, окна темнели проёмами, и в этом зрелище было что-то обещающее. Я смотрела на него и думала о том, сколько всего мы сделали и сколько ещё предстоит. Потом повернулась к дороге и почувствовала, как внутри меня смешиваются тревога и решимость. Тревога была за дом, за людей, за то, что может случиться в пути; решимость — за то, что мы должны сделать, и за то, что мы справимся. Впереди был город, торговцы, цены и долгая дорога. Но позади — дом, который мы строили, и люди, которые ждали нас с покупками. Мы не могли подвести их.

Глава 4

Дорога до города началась за нашим двором, за калиткой, где кончалась утоптанная тропинка — та самая, что мы протоптали за годы, — и начиналась широкая, песчаная дорога, ведущая в Пустые земли. Я сидела на телеге рядом с Ариссой, сжимая в руках пустой мешок, и чувствовала, как колёса мягко катятся по земле, поднимая лёгкую пыль. Пыль была тёплая, сухая, и она оседала на моих руках, на платье, на лице, и я не вытирала её — в дороге это было бесполезно. Позади, на тюках с сеном, устроилась Вивьен, и я слышала, как её плащ шелестит от ветра — тихо, мерно, как шелестит трава под ногами. Оркосы шли ровно, мерно, и этот ритм убаюкивал меня, хотя внутри нарастало беспокойство. Я знала этот ритм: он был как удар сердца, и он говорил, что мы движемся, что мы делаем то, что должны.

Первые часы вокруг нас простиралась пустота. Она лежала ровно, серая и тихая, как забытое место, — и в этой тишине было что-то, от чего хотелось говорить шёпотом. Земля была сухой, потрескавшейся, с редкими пучками жёсткой травы, которые ветер пригибал к земле, и трава шелестела, но не так, как шелестит лесная, а сухо, коротко, будто предупреждала. Ни деревьев, ни кустов, ни птиц — только небо и земля, сливающиеся на горизонте в одну бледную линию. Я смотрела на эту бескрайнюю пустоту, и мне казалось, что время здесь течёт иначе — медленно, тяжело, как густой мёд. Я думала о том, что когда-то здесь, наверное, была жизнь: трава, деревья, может быть, даже дома, — и теперь ничего не осталось, только песок и ветер. В груди шевелилась тихая тревога, но я старалась не думать о ней, а просто смотреть вперёд. Я смотрела на дорогу, на её песчаную ленту, уходящую вдаль, и считала шаги оркосов — раз, два, три, четыре, — и это помогало.

Ветер дул с севера, поднимая пыль, и я закрывала глаза, чтобы мелкие песчинки не попали в лицо. Пыль скрипела на зубах, и я слизывала её языком — она была солоноватой, как соль. Арисса молчала, правя вожжами, её лицо было сосредоточенным — она смотрела на дорогу, но я видела, что она думает. Я не знала, о чём она думает — может быть, о запасах, или о том, сколько сможем купить на наши деньги, или о доме, который остался позади, — но я не спрашивала. Я смотрела на её руки, сжимающие вожжи, — на её пальцы, которые чуть подрагивали от напряжения, — на её профиль, на её губы, плотно сжатые, и чувствовала, как её молчание успокаивает меня — она знала эту дорогу, она вела нас, и это давало мне уверенность. Она ехала этой дорогой не раз и не два, и я знала: если она молчит, значит, всё идёт как надо.

— Долго ещё? — спросила я после долгого молчания, просто чтобы нарушить тишину. Голос мой прозвучал хрипло, и я откашлялась.

— Скоро будет лес, — ответила Арисса, указывая вперёд. Она не повернула головы, но в её голосе я услышала лёгкую улыбку. — Там дорога пойдёт веселее. Деревья, тень, ручей. И оркосы пойдут быстрее — они не любят пустоту, как и мы.

Я кивнула, хотя она не могла меня видеть, и снова уставилась вдаль. Пустые земли медленно сменялись редкими кустами — низкими, корявыми, они цеплялись за сухую землю, как пальцы, — затем низкорослыми деревьями, и наконец мы подъехали к краю леса. Я почувствовала, как воздух стал прохладнее — не резко, а постепенно, будто кто-то открыл дверь в другую комнату, — как запах пыли сменился запахом мха, прелых листьев и влажной земли. Этот запах был густым, живым, и я вдохнула его глубоко, до самого дна лёгких, и на мгновение у меня закружилась голова от того, как сильно он отличался от пустоты. Это было почти как возвращение домой — лес был живым, дышащим, и я с облегчением выдохнула, когда тень деревьев накрыла нас. Тень была прохладной, мягкой, и она легла на плечи, как чья-то заботливая рука.

Дорога сузилась — теперь по ней могли проехать две телеги, но не больше, — но была укатанной, и телега ехала по ней ровно, лишь изредка накрываясь на поворотах. Я вдыхала запах смолы и хвои, слушала, как ветер шевелит листву — этот звук был как тихий разговор, — и чувствовала, как напряжение постепенно отпускает меня. Оно уходило из плеч, из спины, из рук, и я поняла, как сильно устала за эти дни. Ветви деревьев склонялись над дорогой, создавая тенистый коридор, и солнечные лучи пробивались сквозь листву, рисуя на земле золотистые пятна. Пятна двигались, когда ветер качал ветви, и я смотрела на них, и мне казалось, что я вижу что-то живое.

— Красиво, — сказала я вслух, и Арисса чуть заметно улыбнулась. Её улыбка была едва видна, но я её поймала — уголок губ дрогнул, и в глазах появилось что-то мягкое.

— Лес всегда красив, — ответила она. — Особенно когда знаешь, что он даёт нам жизнь. Он даёт дрова, чтобы не мёрзнуть; травы, чтобы лечить; грибы и ягоды, чтобы есть; а иногда и дичь, чтобы не забыть вкус мяса. Лес — как человек: если с ним по-доброму, он ответит тем же. А если рубить без разбору — он отвернётся.

Я задумалась над её словами. Лес давал нам дрова, травы, грибы и ягоды, а иногда и дичь. Он был нашим союзником, и я чувствовала это особенно остро, когда мы ехали через него, оставляя позади пустоту. Я подумала о том, что мы, наверное, тоже стали частью этого леса — не в прямом смысле, а в том, что наша жизнь теперь связана с ним: мы берём у него и должны что-то давать взамен, хотя бы не жадничать.

Лес кончился так же внезапно, как начался. Впереди показались поля — ровные, зелёные, засеянные чем-то, что колыхалось на ветру, и я не сразу поняла, чем: то ли пшеницей, то ли ячменём, потому что издали они были похожи, как похожи все злаки, пока не подойдёшь ближе. А на горизонте, на холме, я увидела крыши деревни. Маленькие дома, сараи, дымки из труб — тонкие, серые, они поднимались в небо и таяли в нём. Мы проехали через деревню — мимо деревянных домов с резными наличниками, мимо колодцев с воротами и цепями, мимо людей, которые останавливались и провожали нас взглядами. Я видела их лица: спокойные, любопытные, без враждебности. Они не останавливали нас, лишь кивали, как будто привыкли к проезжим. Одна женщина с ребёнком на руках улыбнулась нам, и я улыбнулась в ответ. Мальчишка, гнавший гусей, засмотрелся на оркосов и чуть не упал в канаву. Я почувствовала, что мы здесь чужие, но не лишние — и это было приятно.

За деревней дорога стала шире — она шла под уклон, а потом выпрямилась, — и впереди показался город. Он стоял на холме, окружённый стеной, с высокой башней и крышами разных цветов — красные, зелёные, серые, — и я увидела, как стена ловит утренний свет, и он скользит по ней, как по чешуе. Я почувствовала, как сердце забилося быстрее — не от страха, а от того особенного волнения, которое бывает перед чем-то большим и неизвестным. Город был шумным, многолюдным, пахло хлебом, мясом и дымом, и этот запах смешивался с ароматами пряностей и цветов, которые продавали у ворот. Я слышала голоса — громкие, разные, — скрип колёс, звон металла, лай собак, и всё это сливалось в один гул, от которого кружилась голова. Мы подъехали к воротам, миновали их без задержки — стражники лишь скользнули по нам взглядами, — и оказались на главной улице. Я оглядывалась по сторонам, впитывая каждую деталь — лавки с тканями, кузницы, телеги с овощами и фруктами, детей, бегущих по мостовой, — и чувствовала себя чужой в этом мире, но и любопытство разгоралось во мне с каждым шагом. Я смотрела на людей: они были разные — высокие и низкие, светлые и тёмные, — и никто из них не обращал на нас внимания, и в этом было что-то освобождающее.

Арисса остановила телегу у небольшой гостиницы, где у входа стояли привязанные лошади и оркосы. Гостиница была двухэтажная, с вывеской в виде кружки и с окнами, за которыми двигались тени. Она натянула вожжи, и оркосы остановились, тяжело дыша.

— Приехали, — сказала она, спрыгивая на землю. Она сделала это легко, привычно, и я позавидовала её уверенности.

Я слезла с телеги, и колени мои слегка дрожали — от долгой дороги, от тряски, от всего сразу. Я постояла немного, разминая ноги, и огляделась: мы были в центре, рядом с гостиницей, и вокруг кипела жизнь. Мы привязали оркосов у гостиницы — Грисс всегда говорил, что здесь их не обидят, потому что хозяин гостиницы сам держал оркосов, — и Арисса, не мешкая, направилась в сторону узких улочек, уходящих вглубь города. Я пошла за ней, чувствуя, как мои ноги привыкают к твёрдой мостовой после долгой дороги. Мостовая была из камня, гладкая, и шаги по ней звучали иначе, чем по земле. Вивьен, лёгкая и бесшумная, ступала рядом, и её светлые глаза внимательно оглядывали ряды лавок, вывесок, телег с товарами. Она ничему не удивлялась — она смотрела, как смотрит человек, который знает, что ищет.

— Сначала за мукой, — сказала Арисса уверенно, сворачивая за угол. Она шла быстро, и я едва поспевала за ней. — Тут недалеко есть одна лавка, где торгует старый гном. Он не обманывает и цены держит честные. Я знаю его много лет: он ворчит, но товар у него всегда хороший. Мука у него сухая, не отсыревшая, и мыши в мешках не заводятся — он сам следит.

Мы прошли мимо нескольких домов с резными наличниками — на них были вырезаны цветы и птицы, и я на мгновение задержала взгляд, подумав о том, что когда-нибудь и наш новый дом украсят такие же, — мимо кузницы, где звенел молот, и остановились у небольшой, но опрятной лавки с вывеской, на которой было изображено поле с пшеницей. Вывеска была вырезана из дерева и раскрашена, и колосья на ней были такими спелыми, что казалось, вот-вот упадут зёрна. Внутри пахло зерном, сухими травами и деревом — этот запах был тёплым, сытным, и он сразу говорил о том, что здесь торгуют честно. За прилавком стоял коренастый гном с седой бородой, заплетённой в косичку, и очками на кончике носа. Он был невысок — мне по плечо, — но широк в кости, и его руки, лежавшие на прилавке, были большими и сильными, как у кузнеца. Он узнал Ариссу и широко улыбнулся, и от этой улыбки его лицо стало почти молодым.

— Арисса! Давно тебя не было. Опять запасаясь на зиму? — Он сказал это громко, обрадованно, и я поняла, что он действительно рад её видеть, а не просто изображает гостеприимство.

— Опять, — ответила она, кладя на прилавок мешок. — Дай мне муки — лучшей, какой есть. И крупы — пшено и овсянку. И если есть горох, тоже возьму. И соль, если у тебя хорошая. И ещё — что-нибудь, что долго хранится: сухари, может быть, или вяленое.

Гном проворно засуетился, взвешивая и отмеряя. Он двигался быстро, несмотря на свою коренастую фигуру, и его руки уверенно двигались — он зачерпывал муку из мешка, высыпал её на весы, потом в наш мешок, и всё это без единой лишней задержки. Я смотрела, как он завязывает мешки — верёвкой, крепко, с двойным узлом, — и ставит их на прилавок. Пахло свежей мукой, и я чувствовала, как внутри меня разливается тепло — это был запах дома, запах хлеба, который мы сможем испечь. Я представила, как мы вернёмся, как развяжем мешки, как замесим тесто, и как весь дом наполнится этим запахом — тёплым, живым, настоящим.

Вивьен отошла к полке с тканями, которую я заметила в углу лавки. Там лежали рулоны — серые, белые, коричневые, — и она провела по ним рукой, как проводят по чему-то живому. Гном, заметив её интерес, сказал:

— Ткани у меня тоже есть, если надо. Лён, шерсть, немного хлопка. Лён свой, местный, шерсть от наших овец, а хлопок привозной, но хороший. Если возьмёшь много — уступлю.

Вивьен провела пальцами по рулону льняной ткани — медленно, с той нежностью, с какой касаются чего-то дорогого, — и я видела, как её глаза оживились. Она посмотрела на ткань на свет, проверила её на ощупь, потом отогнула край и посмотрела на изнанку, и я поняла, что она знает, что делает.

— Хорошая ткань, — сказала она тихо. Она говорила негромко, но в её голосе слышалось одобрение, и я поняла, что она знает толк в тканях. — Мягкая, плотная. Из неё можно сшить и

рубашки, и постельное. И края ровные — значит, ткали на совесть, а не тяп-ляп. Такую ткань и через десять лет не стыдно будет показать.

Мы купили муку, крупу, горох и два больших рулона льна. Гном завернул ткань в бумагу, перевязал верёвкой, и мы вышли из лавки. Мешки оказались тяжёлыми — я взяла один, Арисса другой, а Вивьен несла рулоны, — и мы едва дотащили их до телеги. Я чувствовала, как руки наливаются тяжестью, как спина ноет, но в этой тяжести было что-то приятное: это был вес запасов, вес будущего. Арисса оставила всё в телеге, прикрыв холстиной — холстина была старой, но чистой, и она натянула её так, чтобы ни один мешок не остался под открытым небом, — и мы пошли дальше, к другой лавке, за маслом и консервами.

Эта лавка находилась на соседней улице, у самой стены. Стена была старая, каменная, и от неё тянуло холодом, но внутри лавки было тепло. Здесь пахло маслом, уксусом и приправами — этот запах был густым, пряным, и он щекотал нос. Торговала женщина с добрым лицом, и Арисса, перебросившись с ней парой слов — о погоде, о дороге, о том, что зима будет ранняя, — выбрала несколько глиняных горшков с маслом — они были тяжёлые, полные, и масло в них было золотым, — и деревянные бочонки, которые, как она объяснила, содержали солёные и копчёные продукты — своего рода консервы, которые можно было хранить долго. Женщина улыбалась, взвешивая, и я видела, что Арисса ей доверяет, а это было немало.

— Это нам пригодится зимой, — сказала Арисса, ставя бочонки в телегу. Она делала это аккуратно, чтобы не повредить, и я видела, что она довольна покупками. — Если погода будет плохая, мы не всегда сможем ходить в лес. А так — откроем бочонок, достанем рыбу или мясо, и будет у нас ужин без хлопот.

Последней была лавка с посудой. Она оказалась в самом конце главной улицы, у старой колокольни — колокольня была высокая, каменная, с колоколом, который молчал, но, казалось, помнил, как звонил когда-то, — и я зашла внутрь и остановилась, поражённая обилием глиняных тарелок, кружек, горшков, кувшинов и мисок. Они стояли на полках, ровными рядами, и свет, падавший из окна, делал их похожими на что-то драгоценное. Вивьен сразу же устремила к полкам, перебирая глиняные тарелки — она брала их в руки, поворачивала, смотрела на свет, проверяла, нет ли трещин, — и я заметила, с какой любовью она касается каждой, оценивая её вес и качество. Она была не просто покупателем: она была мастером, который знает, что нужно для работы.

— Нам нужно, чтобы на всех хватило, — сказала я, подходя к прилавку, где стоял пожилой человек с усталыми, но добрыми глазами. Он был худой, с длинными пальцами, и я подумала, что такие пальцы, наверное, хорошо держат глину — может быть, он сам лепил эту посуду, а не просто продавал.

— Возьмём набор на двенадцать существ, — сказала Арисса, поднимая стопку тарелок. Она держала их уверенно, не боясь уронить, и я видела, что она уже всё посчитала в уме. — И ещё несколько горшков для похлёбки. И кружки — штук пятнадцать, потому что дети бьют, а без кружек не обойтись.

Мы купили тарелки — глубокие и мелкие, — глубокие миски, глиняные кружки, пару кувшинов и три горшка разного размера. Всё это аккуратно упаковали в солому — продавец делал это сам, не доверяя нам, и я поняла, что он боится, как бы мы не побили его товар, — и уложили в телегу, стараясь, чтобы не билось. Солома была сухая, золотистая, и она шуршала под пальцами, и от неё пахло полем. Когда мы закончили, солнце уже клонилось к закату, и город наполнился золотым светом — тёплым, мягким, он ложился на стены, на крыши, на мостовую, и всё вокруг стало похожим на что-то из сна. Мы стояли у телеги, смотрели на наши покупки — мешки, бочонки, свёртки, — и я чувствовала, как усталость, смешанная с удовлетворением, наполняет меня. Усталость была в ногах, в спине, в руках; удовлетворение — где-то глубже, в груди, и оно было сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.